

ЛУШНИКОВ АНДРЕЙ

Коммунальное концертно

рассказ

Шпиль, как Атлант, держит небо, упёршись пятой в заурядный гастроном. Я его вижу каждый день из окна коммунальной квартиры дома на площади Октября нашего Губернска. Кто не знает быта коммунальных квартир – пусть стукнет (звонки у нас не работают) в шестнадцатую квартиру в доме номер четыре по проспекту Калинина. Проспект Калинина, четыре, квартира шестнадцать: семь человек на сорока квадратных метрах жилой площади. Кирпановы: Пётр Владиславович, Раиса Марковна, их дети Коля и Ирочка – дальняя комната, перегороденная двумя шифоньерами; молодожёны Ипатовы – Костя и Надя – комната с балконом; и я – 9 кв.м из прихожей направо. Общая кухня, общая ванная и туалет. По утрам мы сталкиваемся на кухне и в прихожей. Раиса Марковна ахает, неся Ирочкину кашу или горшок, Костя Ипатов, всклокоченный, в полинялом «адидасовском» трико с вытянутыми коленками, бурчит недовольно: «Здрас-сь-те», Надя поправляет на груди халат, Ирочка визжит юлой, Коля роняет ранец, Пётр Владиславович матерится шёпотом сквозь зубы.

Работа у Петра Кирпанова тяжёлая и нервная. Он – токарь-расточник на котельном заводе. Уходит рано и приходит поздно, часто навеселе. Тогда Раиса Марковна, медсестра «неотложки» с неполным средним образованием, обнаруживает такое знание русских крепких выражений, которое и не снилось маститым университетским филологам. Мы сидим с Ипатовыми по норам, как мыши, и слушаем, как тётя Рая, используя все наклонения и падежные формы, отчитывает передовика производства котлов в своём восемнадцатиметровом амфитеатре. Её мощное контральто сквозь тонкие переборки нашей подводной лодки (с которой всё равно никуда не деться) доходит до моей галерки, и я, скучая, смотрю в окно на шпиль, как вокруг него вращаются голос Раисы Марковны, Ипатовы, я, площадь, а с ней весь город и мир. К семинару уже не подготовиться.

Кирпановы старожилы в нашем батискафе и ведут себя подобающе. Тётя Рая вешает стираные Ирочкины колготки и трусы главы семейства где придётся, или, где вздумается – из кухни – в прихожую, перед моей дверью. И я, выходя из комнаты, часто завязую лицом

в нижнем белье Самого Кирпанова. Сам курит, где его застанет желание, рассыпая пепел сеятелем по всей коммунальной квартире, и постоянно забывает выключать свет в ванной. Ирочка катается на горшке от моей двери до родительской, Коля вырезает дареным ему на двенадцатилетие ножиком слова на косяках дверей Ипатовых и моей.

Коммунальная жизнь Кирпановых неприглядна и кособока. Хотя знавала и лучшие времена. Тогда, когда зачиналась и проходила пору младенчества. Когда Петруха Кирпанов с молодой женой и первенцем получил комнату в коммуналке от родного завода и стоял 289-м в очереди на расширение. Пора надежд и сладостных мечтаний. Годы умирали и рождались под хлопки пробок дефицитного «Советского шампанского», но Петруха, а потом уже Пётр Владиславович, улучшения жилищных условий своего, приращенного Ирочкой, семейства не дождался. Приватизация застала Петра Кирпанова 163-м в очереди на расширение жилплощади.

Ипатовым жизнь в коммуналке – подлинное мучение. Преуспевающие коммерсанты вложили все свои дивиденды в дело и стоически переживали время «между», сидя на чемоданах в двенадцатиметровой комнате до дня сдачи под ключ девятиэтажного дома на проспекте Красноармейском, в котором их ожидала прекрасная полногабаритная двухкомнатная квартира. Ипатовы считали дни и часы. Всем своим видом они показывали презрение к коммунальному быту и его аборигенам. Их было жалко.

Вечерами верчение мира вокруг шпилья замедляется, грохочут в стекла полупустые трамваи, наша огромная амёба «номер шестнадцать» делится и делится на клетки. Ирочка, под Хрюшу и Степашку, и монотонное поставленное «баю-бай» тётки Раи, затихает на ноте «ля» третьей октавы в последнем *капризе*, нетрезвый Сам, роняя в прихожей пальто, несколько раз тихо берет эту ноту с приставкой «б», молодожёны мечтают под латиноамериканскую мыльную оперу в своей клети о благоустроенной квартире. Золото суток как раз приходится на это время. Я вытаскиваю его из пачки дешёвых болгарских сигарет, закуриваю, пуская дым в фортку, кладу перед собой чистые листы – и до двух часов ночи бежит неровный почерк, спотыкаясь о синтаксис. Времени мало – утром поправлю. Моя «ученая» жизнь – смешная пародия на быт чеховского Пети Трофимова. Только мне повезло больше, чем ему, я живу не в бане, а в собственной комнате, оставшейся по наследству от бабы Шуры – маминой тетки.

Утром я застал Кирпанова на кухне. Он спал за столом, положив свою бедовую голову на руки. Казалось, он зачем-то потянулся, зачалившись кораблём возле островка, оставленного светом от настольной лампы, – в этот момент балласт его сознания сдвинулся к переносице, и Кирпанов завалился челом на чёрную ватерлинию под ногтями своих корявых, жёлтых от эмульсии и никотина пальцев. Не желая столкнуться в тесной кухне с нашим просыхающим танкером, я поставил чайник на плиту и пошёл в ванную. И из неё, сквозь шум воды, услышал уже не раз игранную драму «Вернулся герцог с поля битвы...» Драму я знал наизусть и мог уже не смотреть, как сейчас на кухне наливается краской лицо тёти Раи, и как Сам Кирпанов прячет взгляд под наш общий стол или в окно – за шпиль. Я тихо, себе под нос, разглядывая в зеркале заспанное лицо, начинаю суфлировать:

– «Ты где опять напился?»

На кухне меня не слышат и поэтому импровизируют:

– ...набоярился? – праведно трубит тётя Рая.

Я выдерживаю театральную паузу. Кирпанов, как талантливый актёр, следует моему примеру.

– «...Семёныч попросил «Ладу» отремонтировать. Ну и ...»

С кухни сиплый спросонья бас рассыпал по квартире:

– У Семёныча тётца умерла.

– Ого, это что-то новое, – я, было, прислушиваюсь к диалогу, замерев с зубной щёткой в руке. Но дальше на кухне идёт все по тексту:

– Ох и врать-то! Ох и врать! Знаю я всех этих семёнычей-петровичей – дружков твоих непросыхающих! Аванс у васвчера был – вот что! Я звонила на завод!

– Зачем людям надоедать? – извиняющийся бас являет с кухни *лаконскую* мудрость.

– «Аванс – то стало быть премьеры», – вспоминаю я строку из «похмельной» лирики Михаила Грунского и открываю кран сильнее, он гудит, напор воды, взрываясь, заглушает кухонную драму. Я позволяю себе ремарки:

– Шум Ниагары. Занавес. Антракт.

Спустя час после цунами на кухне в мою дверь стучит Кирпанов.

– Андрюха, займи полтинник, – плывёт сизым лицом Петруха. Владиславовичем его в этот момент назвать язык не повернётся: мурло-мурлом.

- Вы ведь вчера, вроде, аванс на заводе получили? – недоумеваю я.
- Райка всё забрала, – ведёт плечом Кирпанов в сторону своей комнаты, снизив голос до шёпота.
- А как же работа? – пытаюсь я надавить на сознательность.
- Хана. Встал цех на неделю, – показывает крупные прокуренные зубы в кривой улыбке Кирпанов. Кажется, Петруха сам рад такому стечению обстоятельств. С полтинником в кармане Кирпанов дёргает нервно головой и видит в окно, как за шпилем клубится в небе пивная пена.
- Ты куда? – кричит ему из ванной тётя Рая через две открытые двери.
- В ЖКО насчёт комнаты, – уже с лестницы, хлопая шлёпанцами по ступенькам, отвечает Сам.

Кирпановы имеют виды на комнату коммерсантов. В домоуправлении и жилотделе этот вопрос наполовину уже решён. Скорее всего за моей стеной обоснуются отпрыски неугомонных старожилов. И я тешу себя мыслью, что Коля Кирпанов больше не станет вырезать на косяках моей двери слова – ведь у него будет для этого целая комната.

У меня семинар по Макиавелли. Я, пытаюсь абстрагироваться от шума в фойе нашего театра Сатиры, залезаю с ногами на подоконник с разлохмаченной тетрадью конспектов по политологии и вижу в окно, как Пётр Кирпанов, далеко выбрасывая вперёд руки, как самурай Квантунской армии на параде, летит к пивному киоску. Многообразие красок мира перевернулось в эту минуту в голове Петрухи детским калейдоскопом и стало контрастом двух цветов – белого и янтарного.

Вечера наступали узкие, как модные брюки, едва размещающиеся на скамейках Центрального парка, с удушающим запахом сирени – пора для настоящей любви к женщинам и пиву, в чём Кирпанов, не боясь очередной тётки Раиной сцены ревности, и спешил признаться, по-обезьяньи облизывая пену с уголков губ. За стойкой в компании какого-нибудь местного галилея, измученного инквизиторами-наркологами, со вперенным взором в оголовок земной оси, проткнувшей планету в географической точке «53 градуса северной широты и 83 градуса восточной долготы», и повторяющего после каждой кружки: «Она вертится! Она вертится!». В такой вечер, когда Пётр Кирпанов пришёл домой «из ЖКО» с неполадками в вестибулярном аппарате, и тётя Рая отсверкала над ним

молниями Зевса, когда Ирочка перед сном сделала по квартире круг почёта на своём горшке – в коммуналку влетели счастливые Ипатовы, и Надя выдохнула с порога:

– Мы завтра переезжаем!

Пётр Кирпанов от такой новости сразу протрезвел. Тётя Рая уронила на пол Ирочкин горшок. На кухне прошёл одной финальной сценой «Ревизор», дав новую жизнь семейной драме Кирпановых. Старожилы бросились наперебой поздравлять молодую чету с новосельем. Наконец-то аборигены вздохнут полной грудью. Наконец-то для боевых действий высвобождается площадь, которую можно отвоевывать в жилищном отделе по полному моральному праву.

Утро открывает театр света, движет по стене бледные тени оконной рамы и кучевых облаков, вползающих в трубы заводов. Я чувствую, как под музыку эльфов по моим ресницам семенит в последних па сон. Тишина за переборками пугающая. Меня будит тревога: где все и каждый со своим утренним шумом? В квартире пахнет стиранным бельём и порохом прошедшей баталии. Я, лёжа в полусне, начинаю вспоминать, что баталия действительно отгремела ещё вчера дверями кирпановской комнаты и прихожей. Накануне, транзитом через винно-водочный отдел, из ЖКО пришёл нечеловечески пьяный Сам Кирпанов и целый час объяснял тёте Рае, что не видать им, Кирпановым, второй комнаты, как своих ушей, потому как комнату Ипатовых отдадут дочке начальника райотдела полиции, и что все они там в ЖКО «..., ..., ... и ...». Тётя Рая сильно рассердилась на Кирпанова, ЖКО, котельный завод, наш Губернск и весь мир, забрала детей и уехала на выходные к маме в Озёрки.

Я слышу, как капает вода из крана на кухне.

Ипатовы съехали. От них остался сладковатый, как в мертвецкой, запах здорового преуспевающего поколения молодых русских, пыльный пол с двумя светлыми пятнами от шифоньера и софы и большая коробка с рухлядью, из которой, пробитой нижней декой наружу, торчала скрипка – всё, что осталось от восьми лет занятий в музыкальной школе Нади Ипатовой. Концерты, лауреатство, международные конкурсы, музыкальная карьера – Искусство Нади Ипатовой было засунуто между потемневшим рулоном обоев, с прилипшими к нему кусками штукатурки, и пустыми бутылками от оливкового масла. Там ему и место.

Я осторожно, боясь нарушить непривычную для нашей квартиры тишину, пошёл в ванную впервые в этот день смотреть на свое лицо. Хотя нарциссово ремесло не по мне. Нарцисс был юн и не мог знать, как в тридцать лет каждое утро шуршит о подушку щетина. На кухне по радио передавали концерт симфонической музыки. У окна спиной ко мне стоял Кирпанов. Этот рослый, под два метра, передовик производства котлов показался мне сейчас маленьким сутулым стариком. Он весь сжался, как пружина. Вдруг он повернул ко мне опухшее с похмелья лицо. Глаза его были темны от слез. Мне стало как-то нехорошо, и я поспешил в ванную.

Квартира пуста, все двери нараспашку. Я брился в ванной и увидел в зеркале, как Кирпанов с тёмными, ничего не видящими глазами зашёл в комнату Ипатовых, постоял посередине, широко расставив ноги, потом подошёл к коробке, взял из неё скрипку, стер рукавом линялой рубахи пыль с деки и, прижав к ней ухо, начал пробовать кривым, подрагивающим в похмельном синдроме, пальцем струны, прислушиваясь к шаткому в треснутом чреве звуку, и подкручивая заржавленные скрипные колки. Я перестал бриться, вытаращившись в зеркало и тужа глаза, как поражённый базедовой болезнью. Кирпанов в своей – от слез – куриной слепоте на ощупь вытащил из коробки смычок с оборванными и торчащими в разные стороны конскими волосами и робко взял первую ноту... У меня дрогнула рука – и я порезался. Но, не замечая, как на подбородке набухает горошина, лопается, прорастает и ползёт по горлу, торя дорогу через пену красным ростком, я, затаив дыхание, начал слушать.

Как канатные обрубки, с заусенцами на ногтях, пальцы Кирпанова легко пробежали по узкому грифу скрипки. Целый рой надрывных, щемящих сердце звуков взлетел к потолку пустой комнаты, ударил в стены и раскрытые настежь двери. И через минуту вся наша коммунальная квартира поднялась этим звуком, как Летучий Голландец, и понеслась навстречу неясному, тревожному, смытому слезами с горизонта души, но очень красивому берегу неведанного чувства. Сверкал в утренних отблесках смычок, и Кирпанов, покачиваясь, как под напором сильного ветра, забирал всё выше и выше. Стало так тесно от звуков, что мне показалось – ещё немного – и нечем будет дышать. Я зажмурил глаза, но сквозь сжатые ресницы в сознание хлынул свет, засадило в горле, невероятная сила сдвинула ключицы, выгнула горбом спину. Я, ладонями сжав виски, сполз по стене ванной

на пол. Вся моя жизнь промелькнула передо мной в эту минуту. И на самой высокой ноте, которую могло вынести моё сердце, Кирпанов вдруг сбросил смычок со струн...

В стёкла пустой квартиры прогрохотал утренний трамвай.